

А. БОГДАНОВИЧ

<«Новые люди»>

<...> Не той, конечно, красоты, первою ступенью к которой г-жа Гиппиус считает сборник своих рассказов «Новые люди». Да, так, именно этими словами и выражается она, посвящая свою книжку г-ну Волынскому. «Разными путями, — пишет она в посвящении, — можно идти к цели. Ваша дорога отлична от моей, оружие, которым вы боретесь, — иное, но мы идем в одну сторону, ведем одну войну. И вы, и я окружены врагами: тем отраднее встретиться друзьям. Дух того, что вы пишете, близок мне, и я дарю вам эту книгу — *первую ступень к новой красоте*, которая дорога нам обоим».

Сильно выражается г-жа Гиппиус, но будем снисходительны и невзирая на внешность заглянем «в корень», по совету «старого человека» Кузьмы Пруткова. Не все же врут старые люди. На первой странице читаем первые строчки: «Зачем она так сделала, что я не умею жить без нее? Это она сделала, я не виноват...» Доходим до последней страницы и читаем последние строчки: «Он наклонил голову и поцеловал ее. Она с радостью ответила ему — и Андрей опять невольно подумал, какие у нее мягкие, приятные губы и какая она вся милая».

Однако, готов подумать «старый человек», у «новых людей» совсем как и у нас, грешных. Ведь и нам «она» порядочно-таки наделала всяких бед, так что и без нее жить не можешь, и с нею — тоже, как выражается «старый» поэт,

Nec sine te, nec tecum vivere possum *.

Точно так же и «старые люди», подобно «новому» Андрею, целовали «ее», находя ее «*всю милой*», — «und das war die eigentliche Katastrophe**», как говорит другой, тоже «старый» поэт. И если бы советы старых людей могли иметь значение, они,

* Ни без тебя, ни с тобою я жить не могу (*лат.*).

** «И это было настоящей бедой» (*нем.*).

умудренные опытом, посоветовали бы новым людям не увлекаться в подобных случаях. Ибо и в любви немножко критики никогда не мешает. К сожалению, они заранее знают, что все советы бессильны, когда приходит «она» и кладет свою властную руку на склоненную голову «его». И новым людям придется много пережить и много выстрадать, прежде чем поймут они, что «те слова и слезы были ложь», как говорит третий, не так чтобы уж очень молодой поэт.

Получив холодную ванну, герой очутился — и делу конец.

Где здесь красота, да еще новая? К чему рассказана вся эта смехотворная история, годная разве в газетный фельетон?

Среди рассказов г-жи Гиппиус не все одни потуги на оригинальность, а есть кое-что действительно интересное и не без таланта написанное. Таковы ее рассказы «Простая жизнь», напечатанный в свое время в «Вестн^{ике} Европы», «Ближе к природе», «Смирение». В них нет ничего нового в том смысле, как употребляет это слово г-жа Гиппиус. Это простые рассказы о простых людях, написанные без претензий, тепло и живо, обнаруживающие в авторе несомненную наблюдательность и уменье проникать в душу людей. Каждый вызывает в читателе известное настроение, не нарушающее с начала и до конца никаким неудачным кувырканьем героев и героинь, во вкусе новейшей декадентской техники.

То же самое можно сказать и о стихотворениях г-жи Гиппиус, между которыми есть два-три недурных, выдержаных по форме и содержанию. Такова баллада в романтическом стиле «Гризельда», которую позволим себе привести целиком, чтобы дать понятие читателям о таланте г-жи Гиппиус, никогда не изменяющем ей, когда она остается верной заветам «старой красоты»: быть правдивой, не манерничать и не жеманиться.

ГРИЗЕЛЬДА

Над озером, высоко,
Где узкое окно,
Гризельды светлоокой
Стучит веретено.

В покое отдаленном
И в замке — тишина.
Лишь в озере зеленом
Колышется волна.

Гризельда не устанет,
Свивая бледный лен,

Не выдаст, не обманет
Вернейшая из жен.

Неслыханные беды
Она перенесла:
Искал над ней победы
Сам Повелитель Зла.

Любовною отравой
И дерзостной игрой,
Манил ее он славой,
Бесельем, красотой...

Ей были искушенья
Таинственных утех,
Все радости забвенья,
И все, чем сладок грех.

Но сатана смирился,
Гризельдой побежден,
И враг людской склонился
Пред лучшею из жен.

Чье ныне злое око
Нарушит тишину,
Хоть рыцарь и далеко
Уехал на войну?

Ряд мирных утешений
Гризельде предстоит:
Обняв ее колени,
Кудрявый мальчик спит.

И в сводчатом покое
Святая тишина:
Их двое, только двое —
Ребенок и она.

У ней льняные косы
И бархатный убор.
За озером утесы
И цепи вольных гор.

Гризельда смотрит в воду,
Нежданно смущена,
И мчится, про свободу
Лепечет ей волна.

Про волю, дерзновенье,
И поцелуй, и смех...
Лепечет, что смиренье
Есть величайший грех.

Прошли былые беды,
О верная жена!
Но радостью ль победы
Душа твоя полна?

Все тише ропот прялки,
Не вьется бледный лен...
О мир обмана жалкий,
О добродетель жен!

Гризельда победида,
Душа ее светла...
А все ж какая сила
У духа лжи и зла!

Увы! Твой муж далеко
И помнит ли жену?
Окно твое высоко,
Душа твоя в пленау.

И снова сердце жаждет
Таинственных утех...
Зачем оно так страждет,
Зачем так силен грех?

О, мудрый соблазнитель,
Злой дух, ужели ты —
Непонятый учитель
Великой красоты?

Досадно за г-жу Гиппиус и жалко становится, когда наряду с такими грациозными вещицами начинается декадентское оригинальничание, бессильные порывы к какой-то «новой красоте», в которой и сам автор, видимо, не дает себе отчета. Можно сказать, не опасаясь впасть в грубую ошибку, что в маленькой книжечке г-жи Гиппиус с большими претензиями все, что ново, — плоско, даже пошло и неостроумно, а все действительно достойное внимания — не ново. Талантом г-жа Гиппиус обладает, но талант этот маленький, почти крошечный, и тем более осторожного обращения требует, выдавая автора головой, лишь только г-жа Гиппиус начинает заводить на все лады, весьма негармоничные, «мне нужно то, чего нет на свете, чего нет на свете!» («Песня»).

Тогда г-жа Гиппиус теряет всякую оригинальность, уподобляясь декадентской веренице «поэтов», опять осчастлививших мир творениями, в которых каждый не знает, как блеснуть очаровательнее, чем превзойти другого, а все вместе наводят убийственную скуку. На Парнасе можно говорить что угодно и как угодно, лишь бы было интересно, живо, увлекательно. Но раз из

этих разговоров ничего, кроме скуки, не получается, этим подписан смертный приговор для говорунов, кто бы они ни были, декаденты ли, жрецы ли чистого искусства или проповедники гражданских чувств. Феб — веселый, вечно юный бог, и, проводя все время в обществе пленительных муз, не терпит уродства, а скука есть проявление душевного уродства. Человек, здоровый и нормальный, никогда не скучает. Ему некогда, жизнь так богата, так искрится и сверкает, непрестанно меняя цвета, где же тут скучать? Можно страдать, мучиться, тосковать то от любви, то от ненависти, но скучают только живые мертвцы и... декаденты. <...>

